

В СОЛОВЕЦКОМ КРЕМЛЕ

В соловецком Кремле, за высокой зубчатой кирпичной стеной, в мрачных монашеских кельях, находилось около двух тысяч заключенных. Большинство из них осуждены "тройкой" по странным статьям: КРА и ПШ, не имевшимся ни в каких уголовных кодексах. КРА означало контрреволюционную агитацию, состоявшую обычно в рассказывании антисоветских анекдотов, а ПШ — подозрение в шпионаже. По этой статье люди просиживали в тюрьмах и лагерях по многу лет, а неизвестно на чем основанное подозрение так и оставалось лишь подозрением. Впрочем, в Соловках был какой-то незначительный процент настоящих контрреволюционеров, шпионов и бандитов.

Так как Соловки считались не тюрьмой, а лагерями, то всем, находившимся в Кремле, разрешалось общаться между собой и ходить по двору, вплоть до главных Северных ворот, на которых с наружной стороны был изображен архангел Гавриил.

Много людей входило в эти ворота, — всех не упомнишь; но был среди них один человек, забыть которого нельзя.

В сентябре 1935 года с материка в Соловки был доставлен Лесь Степанович Курбас — талантливый режиссер Украины, создатель театра "Березиль".

Я не знаю состава преступления этого человека, да и не хочу знать, поскольку Советским

правосудием Лесь Курбас реабилитирован. Что касается его некоторых творческих заблуждений, то в те ранние годы становления советского искусства, каждый художник шел своими извилистыми тропами, иногда сбиваясь с правильного пути и совершая те или иные идеологические или творческие ошибки. Причем, если маленький художник делал ошибки, то они были незаметны, а если такие же ошибки совершали Мейерхольд или Курбас, то их промахи критика рассматривала в увеличительные стёкла. Говоря вообще о постановках Лесья Курбаса в театре "Березиль", можно соглашаться с теми или иными трактовками и приемами режиссера или не соглашаться, но то, что они были талантливы - это несомненно.

С первых дней своего появления на острове, Курбас приступил к организации Соловецкого театра.

Еще до появления Лесья Курбаса в Кремле, там существовала агитбригада типа "Синей блузы" и небольшой любительский коллектив, поставивший пьесу А. Корнейчука "Платон Кречет". В этом спектакле участвовали лишь два профессиональных актера: Валентин Пишевский - артист МХАТ"а и Федор Дмитриевич Гладков - артист театра "Березиль".

Оба эти актера были несомненно талантливы и, несмотря на свою молодость, резко выделялись на фоне любителей-дилетантов. Курбас об"единил обе группы, отобрал наиболее способных и стал пополнять основное ядро, вновь прибывающими в Соловки актерами и просто способными людьми иных

профессий. С удивительной интуицией крупного мастера, Курбас по каким-то, одному ему ведомым признакам, часто без просмотра, приглашал того или иного заключенного в труппу и давал ему роль. Так начали свою актерскую деятельность писатель Ростислав Валаев, автор книги "Ветры горные", игравший в "Аристократах" Н. Погодина главную роль - Костю Капитана; молодой врач В. А. Крушельницкая; очень юная девушка - Нина Ошман и другие.

Нина Ошман жила в Соловках со своей семьей: отцом, матерью и братом. Все они отбывали наказание за антисоветские анекдоты, рассказанные на именинах профессора Ошмана.

С ними в Соловки попал и один из их гостей - певец Л. Ф. Привалов. Каждый из них был осужден сроком на пять лет.

Позднее в коллектив театра вошел немолодой, очень талантливый украинский актер - Алексей Паламарчук. Он играл Расплюева в "Свадьбе Кречинского" Сухова-Кобылина. Зав. постановочной частью в театре был известный украинский драматург Мирослав Дмитриевич Ирчан, а зав. музчастью - ленинградский пианист Н. Я. Выгодский, для которого кроме музыки ничего в мире не существовало.

Однажды этого замечательного пианиста, за неподчинение лагерному начальству, посадили за решетку в одиночную камеру. Музыкант оторвал от нары доску, нарисовал на ней клавиатуру и часами играл на этом беззвучном "рояле". Случайно заглянувший в "очко" часовой, решив, что заключенный

сошел с ума, поднял тревогу. Прибывавший комендант отобрал у Выгодского его последнюю радость — доску с нарисованной клавиатурой и перевел пианиста в Головленковскую баню.

В этой темной башне с земляным полом стены были мокрыми от вековой сырости, и спички у провинившегося лагерника через два часа уже не воспламенялись.

Лесь Курбас легко принимал способных людей в коллектив театра, но прежде, чем выпустить их на сцену, он вкладывал в них частицу своего яркого таланта. Сам занимался с ними постановкой голоса и обучал актерскому мастерству. И все это Курбас делал в свободное от работы и репетиции время, и по многу часов. Лесь верил в творческие силы надломленных жизнью людей, "каждый человек талантлив", — говорил он, — "только нужно захечь в нем искру".

Мне трудно говорить в коротком очерке о творчестве талантливейшего режиссера Украины. Я уверен, что о постановках и мастерстве Лесь Курбаса будут написаны театроведами серьезные статьи и книги. Замечу лишь одну деталь, характеризующую Лесь Курбаса как своеобразного, яркого художника.

В мелодраме Бернарда Шоу "Ученик дьявола", блестяще поставленной Лесом Курбасом в Соловецком театре, был один любопытный момент: на сцене под виселицей стоит генерал Бергойн рядом с приговоренным Ричардом, на шею которого наброшена веревка.

"Бергойн/дружелюбно/. Повесить вас мы можем с совершенным знанием дела и к полному вашему удовлетворению.

Ричард. Благодарю вас, генерал.

Бэргойн /глядя на часы, любезно/. Вам будет удобно, мистер Андерсон, если вас повесят в двенадцать часов дня?"

В этот момент в зрительном зале раздавался смех и аплодисменты. Вызвать при такой ситуации и в такой, казалось бы, трагедийный момент, да еще у з а к л ю ч е н н ы х смех и аплодисменты в адрес палача, мог только большой мастер сцены, глубоко знавший психологию зрителя.

х х х

После первого же спектакля, поставленного в Соловках Лесом Курбасом, к нему стали относиться с большим уважением не только заключенные, но и начальство лагеря. В виде особой признательности Курбасу был выдан постоянный пропуск на право входа и выхода из Кремля.

За Кремлем находилась холмистая местность, сплошь покрытая лиственным и хвойным лесом. Между холмами в ложбинах притаились тихие, прозрачные, голубые озера, обрамленные бархатисто-зеленым ихом, молодыми березками и невысокими кучерявыми ивами. А за этими озерами, холмами и лесом металось, огромным лохматым зверем, беспокойное Белое море.

Выдавая Курбасу пропуск, начальство было спокойно, так как знало, что убежать с Соловков невозможно. За все время моего пребывания на этом острове, был совершен лишь единственный побег

одного заключенного. Этот заключенный находился не в лагере, а в тюрьме и каким-то чудом очутился за пределами Кремля. Дойдя до моря, он связал два бревна и, сев на этот импровизированный плот, оттолкнулся от берега. Через шестнадцать часов плот оказался на расстоянии тридцати миль от Соловецких островов, но обессиленный человек не в силах был уже бороться со стихией и его поглотило Белое море.

Вечером, в соловецком лагерном журнале, были списаны: один человек и два бревна.

х х х

Репетиции с неопытными актерами, не умевшими входить в образы и придавать диалогам нужные интонации, продолжались в театре по многу часов.

Устав от работы, Курбас обычно, уходил в излюбленный им уголок Кремля под огромный, столетний серебристый тополь, и там, в одиночестве, заложив руки за спину, ходил от одной кроваво-кирпичной стены к другой, то ускоряя, то замедляя шаг, как маятник, потерявший равновесие.

х х х

Как-то я зашел по делу к Курбасу. Он жил в маленькой, узкой камере, бывшей монашеской келье: небольшое сводчатое окно с решеткой, железная кровать, на стене коврик с украинским орнаментом, на нем женский портрет в овальной раме из карельской березы. Рядом с портретом, на сером листе бумаги самоделный календарь.

Каждый вечер, возвращаясь в свою одиночную камеру, Курбас вычеркивалжитый в неволе день. А впереди таких дней было еще больше тысячи.

Поговорив с Курбасом, я уже собирался уходить, когда в камеру вошла немолодая, красивая цыганка в пестром платье и широченном цветастом платке. Низко поклонившись Лесю, она сказала:

- Возьми меня, Донбас, в твой театр.

Курбас удивленно посмотрел на цыганку, затем улыбнулся и сказал: - Я не Донбас, а Курбас.

- Курбас, так Курбас. Тоже хорошо! Бери меня в театр, я играть буду.

- Что же вы можете играть?

- На гитаре. И петь буду.

- Вы откуда прибыли?

- С Муксульмы. Остров Муксульма с Соловками рядом. Две тысячи женщин там томятся. Половина без дела, за мужей сидит. И все день и ночь плачут, плачут... стон такой над островом стоит, что тюлень, уж на что зверь спокойный, и тот к Анзеру подался. Не выдержал слез женских. Горкие они - слезы-то женские.

- А вы сами за что сидите?

- За какой-то дурман и опиум, который, говорят, для народа. А я, поверь мне, милый человек, никогда в целебные травы никакого опиума не примешивала и в глаза его не видела... Без дела статью при-  
шли.

- А как вы сюда попали?

-Сама не знаю. Перевели.

-Что же вы поете?

-Все пою, что пела Варя Панина, Плевацкая и Вяльцева, а еще романсы Булахова и Гурилёва. Я при няне в баре пела. - С этими словами она вынула из-под платка гитару.

- Ну что ж, спойте что-нибудь, - сказал Леон.  
Цыганка подошла к коврику и, взглянув на портрет, спросила:

-Мена?

-Мена, - ответил Курбас.

Не сводя с портрета глаз, цыганка мягко провела пальцами по струнам и запела низким, грудным голосом романс Булахова:

"Я тебя с годами не забыла,  
Разлюбить в разлуке не могла,  
Много жизни для тебя сгубила,  
Много слез горючих пролила.

Клеветой и речью ядовитой  
Сколько раз в толпе передо мной  
Осужден бывал ты без защиты,  
Я одна грустила над тобой.

За тебя вступиться я не смела,  
Я себе боялась изменить  
И склонивши голову, бледнела,  
Да слезу старалась утаить".



Курбас резко повернулся к окну, и я видел, как вздрагивают его плечи. Цыганка тоже это заметила и вышла из камеры. Я ушел вслед за ней. В коридоре она обратилась ко мне:

-Ты посмотри, что тюрьма с человеком делает. Должно, в первый раз за решеткой. Надо бы на воле, в домах, решетки ставить, чтобы человек с детства к ним привыкал, как цыганская лошадь к подковам. Тогда тюрьма домом родным будет...

Вечером на концерте, после выступления певца Привалова, обладавшего очень приятным, сильным баритоном, и виртуозной игры на рояле пианиста Выгодского, исполнявшего прелюдию Рихманинова, Курбас выпустил на сцену цыганку. Она пела под гитару старинные романсы и была награждена такими аплодисментами, какие не снились ни Вере Павиной, ни Тамаре Церетелли.

Дни в лагере текли размеренно и монотонно, как отзвуки погребального колокола. Единственной радостью для заключенных были спектакли в созданном Лесем Курбасом Соловецком театре. За время пребывания на острове этим талантливым режиссером было поставлено несколько пьес. Блестяще провела "Интервенция" Славина и пьеса, о которой я уже упоминал, - "Свадьба" Кречинского. С "Аристократами" получилось нечто неожиданное. Всегда корректный и сдержанный Курбас, на репетициях "Аристократов" нервничал и говорил актерам об их ненаблюдательности, неумении раскрыть образ, обращал внимание на неверные интонации, жесты,

походку.

- Вы выйдите в лагерь и посмотрите, как ходят воры и бандиты, - говорил Курбас актеру, игравшему Лимона. - А какая из вас Сонька?! - укорял режиссер застенчиво моргавшую актрису.

- Ведь есть же в лагере две-три проститутки; понаблюдайте за их манерами: посмотрите, как они заглядывают в глаза мужчинам, как закидывают, сидя на скамейке, ногу на ногу, как пускают дым из папироски. Все это надо изучить до самых мельчайших деталей и только тогда приходить ко мне на репетицию. Ведь у вас именно здесь, в лагерях есть такая замечательная возможность, и не воспользоваться ею - преступно глупо!

Проработав над "Аристократами" около полутора месяцев, Курбас отменил все репетиции и без всяких объяснений вдруг уехал на Анзер и Муксульму.

Появившись в театре через несколько дней, он представил актерам вора-рецидивиста, привезенного им с Анзера, и какую-то перепудренную и не в меру раскрашенную девицу с наглым взглядом, вывезенную им с Муксульмы.

- Вот ваши новые коллеги, - сказал Курбас актерам. - Этот товарищ будет играть Лимона, а эта дама, pardon, девица - Соньку.

Заметив недоверчивые взгляды актеров, он добавил: - Они отлично сыграют свои роли!

И действительно, Сонька и Лимон играли в этом спектакле так, как могут играть лишь высокоодаренные, профессиональные артисты.

Премьера прошла с огромным успехом.

Какой величайшей силой таланта должен был обладать Лесь Курбас, чтобы создать, почти при полном отсутствии профессиональных артистов, такой яркий, правдивый, незабываемый спектакль!

х х х

Как-то однажды всем лагерникам запретили выходить из своих камер, и только душевнобольная Оксана — молодая, красивая женщина с темными карими глазами и болезненным румянцем на щеках, бесцельно бродила по двору: кормила остатками своего скудного пайка прирученных еще со времен монастыря чаек, мирно сидевших под садовыми скамейками в своих незатейливых гнездах, поливала на клумбах поникшие цветы, и, качая на груди свернутый домотканый платок, напевала, как всегда, одну и ту же песенку:

"Котику маленький,  
котику сиренький,  
Тихо ходи в каті,  
Дитя хоче спати. А, а, а...

В лагере царила гробовая тишина.

И вот в эту тишину ворвался ураган. На пароходе, с кажущимся на первый взгляд забавным названием "Слон", что означало сокращенно "Соловецкий Лагерь Особого Назначения", в бухту Благополучия прибыли

в 1937 году "ежовцы". Это были люди, порожденные мутной накипью времени, приспешники насмерть перепуганного диктатора. *Страница*

Они смяли и растоптали цветочные клумбы, вырубали в кремлевском дворе столетние тополи и походя расстреляли из браунингов и наганов ручных чаек.

В один из таких дней я увидел Курбаса под случайно уцелевшим его любимым столетним тополем. Высокий и стройный, с бледным лицом и седыми висками, он сам чем-то удивительно <sup>на</sup> поминал серебристый тополь, под ~~к~~ которым стоял, и который не сегодня - завтра неминуемо рухнет под ударами топора.

В светлоризких глазах Леся застыли слезы. Он ласково погладил шершавую кору тополя, словно прощаясь с другом, приговоренным к смерти.

Вот к тополю подошли с пилами и топорами лесорубы, вызванные с Анзера. Они посмотрели на тополь, на Курбаса, стоявшего с поникшей головой, неловко помялись и ушли в барак.

На площади появился новый комендант, относившийся с презрением, так называемым "политическим" и покровительствовавший бандитам и воровам. Он вызвал из камеры штрафников, бывшего бандита по кличке "Морж", имевшего в общей сложности 42 года судимости. Перед деревом появилась обезьяноподобная фигура здорового узколобого бандита с рыжей щетиной на щеках.

-Режь под корень! - приказал комендант и сунул в огромные лапы бандита сверкающую пилу.

Бандит взял пилу, подошел к тополю и рванул стальными зубьями кору дерева.

-Прекратие это безобразие, - тихо сказал Курбас.

-Ишь тоже умник нашелся, - ответил комендант, - ты там в театре фокусы показывай, а тут перчить начальству не смей.

Курбас побледнел, закусил губу и покачнулся. О чем думал Лесь в этот момент, трудно сказать: может быть, он вспомнил о бесцельно расстрелянных, окровавленных чайках, а напрасно загубленных, поваленных наземь зеленых деревьях, или о нежных цветах, растоптанных тяжелыми сапогами тюремщиков...

А бандит плавно водил пилой по стволу дерева, как профессиональный скрипач смычком по струнам скрипки.

-Отойди от дерева, - приказал комендант.

Курбас не пошевелился.

-Отойди, говорю, от дерева! - крикнул комендант, - а то придавим ненароком, а я за всякую шваль отвечаю!

Курбас молчал. Казалось, что еще секунда - и Лесь не выдержит и рухнет наземь, как вот этот подпиленный серебристый тополь.

-А ну, Моря, - обратился комендант к бандиту, - покажи контра, как валенки катают!

Бандит остановился, вынул пилу из надпиленного ствола, подошел к Курбасу и, увидев в его глазах слезы, смешанные с презрением и ненавистью, вдруг высоко занес над головой пилу и неожиданно, ударом о колено, разбил ее вдребезги.

- В карцер! - срывающимся фальцетом заорал комендант и затопал в ярости ногами.

- Ты меня карцером не страшай, - спокойно сказал бандит, - Есть такая поговорка: "Не пугай дитя титькой, оно и не то у мамы бачило!" - и, ни на кого не глядя пошел в сторону Головленковской башни, где помещался карцер. За ним ушел и Курбас и я видел, как создатель театра "Березиль" остановил бандита и пожал ему руку.

х х х

Наконец наступил долгожданный, счастливый день! - Лесь Курбас зачеркнул в своем календаре тысяча восемьсот двадцатый день своего заключения и пошел в комендатуру оформлять документы. Там его встретил тот самый комендант, который под тшполем натравливал на него бандита.

- Говорите ваше настоящее имя, отчество и фамилию, - сказал комендант.

- Александр Степанович Янович.

- А "Лесь" это кличка или прозвище?

Курбас не ответил.

Комендант положил на стол листок бумаги с напечатанным на машинке текстом и сказал:

-Распешитесь вот здесь.

Курбас взял ручку, обмакнул перо в чернила, взглянул на листок и отшатнулся.

-Что это? - спросил он.

-Вам добавлен еще пятилетний срок наказания - спокойно ответил комендант.

-За что? - упавшим голосом спросил Курбас.

- А это нам неизвестно. Это Особое совещание решает. Оно знает, кому чего положено. Понимать надо!

Киев - 25. XII. 1961 г.

Рустем Георгиевич ГАЛИАТ-БАЛАЕВ  
Киев, ул. Чапаева №13, кв. 5